

Василий Бетаки.
Между лозунгом и мусорщицей⁵

Светлое будущее — совсем не будущее. Вот все то, что мы видим ежедневно, все мелочи, весь быт, вся эта «советская действительность», на которую, как известно, клеветают все, кому

Континент, № 17, с. 355.

не лень и даже те, кому лень, — она и есть самый настоящий коммунизм. Никакие не «зримые черты» — просто «обыкновенный коммунизм». Эта мысль — может быть, и не самая главная мысль новой книги Александра Зиновьева, но она мне представляется тем стержнем, на который нанизан роман... Впрочем, роман ли? Если в «Зияющих высотах» — книге, построенной по типу античной сатиры (а отчасти и по типу раблезианской эпопеи-эссе — где Свифт, Платон, Марциал, Рабле, Шедрин, Монтень и Вольтер и еще неведомо кто на разные голоса разглядывают жителей Ибанска во всех возможных и невозможных измерениях), — если там сюжета как такового почти нет, то в «Светлом будущем» признаки романа как жанра выступают явно на первый план. Конечно, и здесь большую часть текста занимает то, что в поэзии называется «лирическими (или философскими) отступлениями» — но ведь «Дон-Жуан» Байрона или пушкинский «Онегин» тоже романы, хотя в первом из них отступления составляют около 70% текста, а во втором — около 40...

И, разумеется, необъятное количество идей, наблюдений, выводов охватить в рецензии невозможно, хотя они-то и составляют все то, из чего складывается (прошу прощения за банальность!) эта энциклопедия советской действительности наших дней.

Но все, затронутое в романе, сходится к двум грандиозным символам: один из них — это Лозунг. Его строят, ремонтируют, перестраивают, ломают несознательные граждане, опять ремонтируют, опять перестраивают... Как в «Зияющих высотах» вся жизнь общества вертится вокруг строительства Сортира, так тут — вокруг Лозунга. Ибо Лозунг — квинтэссенция того теоретического коммунизма, которым и занимаются почти все действующие лица романа. А на другом полюсе — мусорщица, называемая «пьяной старухой», которая катит свою тележку сквозь всю советскую действительность, сквозь быт, сквозь героев... Это — символ того коммунизма в действии, в жизни, того, отнюдь не теоретического, при котором приходится жить, и тоже тащить свою тележку с мусором... Ибо каждый из нас — немного та самая старуха, которую никто полностью в коллектив так и не загнал; в этом, пусть мусорном, безнадежно нищем — но все же персонализме — и есть слабая надежда на то, что «Светлое будущее» не абсолютно, что оно разруσιμο... Ведь ниже старухи уж никого нет — а она все же какая ни есть, но личность. И это в обществе, где «степень персонификации индивида зависит от уровня его социальной позиции», где чем ниже — тем неизбежнее нивелировка и обобществление духа...

Но обратимся к сюжету романа. Герой его — от лица которого ведется повествование — довольно высоко стоящий на социальной лестнице человек. Философ. Теоретик коммунизма. В общем, один из тех, чей труд влит (не физически, конечно) в Лозунг. Он — либерал. Он — шестидесятник. И в момент, когда куцый либерализм, вынесший его на своей мутноватой волне, уже становится не рекомендуемым воспоминанием, все страсти его направлены лишь на одно — пройдет или не пройдет он в член-коры. Характернейшее явление — герой рассуждает просто: лучше я буду наверху, чем какой-нибудь дурак или явный реакционер — ведь все же я как-никак либерал... И шаг за шагом мы видим, что по сути этот порожденный хрущевскими оттепельными трюками либерализм и есть самое действенное охранительное оружие системы — ибо голый прямолинейный сталинизм (коммунизм в его классической форме) может, чего доброго, саморазоблачиться. А такие «ремонтники», как герой «Светлого будущего», продлевают его существование. И если они кажутся опасными всяким Васькиным и Канарейкиным, то лишь потому, что те не о сохранении системы заботятся, а не видя дальше своего носа, рвутся ухватить свое сию же минуту. Но его время прошло. Агонизирующей системе не до либералов-ремонтников. Она рвется опять к незамутненному коммунизму, и если нет массовых репрессий, то лишь от боязни самих верхов — ведь теперь это коснется их самих... И вот ножницы: не сажать — значит, сохранить следы «либерализма», сажать — можно привести систему к самоуничтожению... И все же героя проваливают на выборах — не быть ему член-кором.

Кончает самоубийством его дочь, не в силах вынести двойного существования, а более — того, что отец ее, как она в конце концов понимает, в свое время предал своего друга — Антона Зимина. Вот, собственно и весь сюжет... Ничему не научился герой, хотя и все понял... вернее, понимал всегда, лишь для удобства глушил себя лошадиными дозами самообмана. И после провала, после потери положения он все еще надеется на что-то в смысле карьеры и уже в открытую все свои амбиции ставит в зависимость от выхода той самой книги Антона, из которой сам же высасывал разные мысли и на разгроме которой (уже открытым разгромом) надеется сделать опять свою сорвавшуюся карьеру. С либералом кончено. В духе времени герой полностью вливается в число Васькиных.

Интересно, что все, кто окружает героя: и Антон, и компания из Забегаловки — Безымянный (видимо, крупный физик) и Эдик, и Ребров, и собственные дети героя, — все так или иначе куда дальше зашли в своем отрицании системы, чем он сам. В этом смысле они все — рупоры авторских идей и мыслей. Хотя среди них подробнее всего изложены мысли Антона, пытающегося опублковать на Западе свою книгу, но — тоже не без участия героя — издание ее все затягивается... Он, конечно, не сотрудничает с ГБ, этот герой, нет, что вы! Просто то, что Щедрин формулировал как действия «по мере возможности», переходит в поведение «применительно к подлости». Обычный путь интеллигента-шестидесятника: если не стал Антоном либо диссидентом, то так и «тащи свою бессмысленную тележку мимо них, сквозь них, в каком-то несуществующем для них разрезе бытия. Куда?». Этими словами заканчивается роман. В какое Будущее? Ведь его не будет, ибо оно уже давно — настоящее. Эта идея, высказанная Антоном, развивается на страницах романа многократно в разных направлениях. И истории иной, настоящей, у советского общества тоже нет — его история на самом деле та, что в газетах. Ибо мы — дикари, выпавшие из современного мира в ту степень деперсонализации, которая сравнима лишь с бытием пещерного человек — коллективиста поневоле. Ибо коммунизм с его обезличкой и есть при всем социальном неравенстве — равенство близости каждого и всех. Это — социальная энтропия. А энтропия, как известно, есть норма, нормальное состояние материи. Антиэнтропийные факторы во Вселенной — жизнь и разум, как ее высшее проявление, духовность, как высшее проявление разума — легко разрушаемы. Сотворение мира — создание ноосферы, расширение сферы духовного — есть процесс антиэнтропийный, как на низших физически уровнях концентрации энергии возникновение перепада между сгустками энергий и энтропийной средой... Если энтропия, уравнивание — результат стихийного, естественного, если деградация и есть цепь неуправляемых процессов, то понятию энтропии в информатике и в физике соответствует понятие Зла в философии или Сатаны в теологии. Равенство — социальная энтропия. Коммунизм — осуществление равенства (в смысле нивелировки разума и духа). Энтропия. Антагонист сотворению мира, Творцу его и, наконец, сотворцу — человеку — все тот же хаос, та же энтропия, тот же Дьявол; как ни называйте это, смысл остается то же: «Все звериное — от естественности, все человеческое — от Бога, то есть придумано», — говорит Безымянный.

Прометейство Солженицына, как и Антона, во многом с ним согласного, а во многом и полемизирующего, состоит именно в том, что они антиэнтропийны в духовном смысле. Советское сознание — «квинтэссенция серости», — а что есть серость? Средность, усредненность, в конечном счете опять-таки все та же нивелировка, все тот же коммунизм. Так что прав Зиновьев (в данном случае это высказано им через Антона), что серость — это норма. А норма — она и есть все, о чем только что говорилось... И борьба в ее крайних видах, которую предсказывает Ребров, и нарушение нормы, проявляющееся в самых разных видах протеста личности против системы, — все это и есть нарушение нормы, серости, все это — процессы антиэнтропийные. И лишь на них надежда. А для этого необходимо было сделать именно то, что сделал Солженицын: возвести «дело исторической памяти почти в ранг религии». Ибо

когда память уничтожена то будущего тоже нет, а есть лишь то Светлое Будущее, которое уже давно Настоящее. И есть Лозунг — как основной символ этого Настоящего, — и есть «создание фундаментального коллективного труда о коммунизме»; как частный символ этого Настоящего: ведь о написании этой «книги книг» все время идет речь на страницах романа, как и о постоянных починках Лозунга...

А воз и ныне там. И действительность такова, что мы понимаем, почему об очереди за туалетной бумагой герой говорит на целую страницу, а о самоубийстве своей дочери — всего в пяти словах... Все это ведь вполне сравнимые мелочи (а из них, по словам Безымянного, и состоит реальный коммунизм). И в дьявольском уравнивании, как альтернатива ему, есть «одна из основных тенденций коммунистического образа жизни — завоевать возможность в той или иной мере жить свободно от законов коммунистического образа жизни». Ибо для человеческого духа естественно не то, что является естественным, а то, что «придумано», то есть то, что, по определению автора, «от Бога». «Религиозное, то есть нравственное, сознание» (слова Безымянного) и есть основа цивилизации, которая не может быть построена на крови жертв (четкая параллель со «слезинкой ребенка» у Достоевского). И никакая наука не поможет в борьбе с реальным или с теоретическим коммунизмом (с марксизмом в частности), ибо он — не наука, а лишь идеология. И бороться с ним оружием науки — бессмысленно, как плевать против ветра: он идеология и только. «И уличить его в научной несостоятельности нельзя», — ибо он только притворяется наукой. Что же делать? На этот вопрос отвечает Антон: «Идеологию бьют фактами той реальности, которую освящает идеология». Факты. Вплоть до отсутствия колбасы, которое так волнует жену героя. Потому-то книги Солженицына и «нанесли гораздо более сильный удар по марксизму, чем усилия всех критиков марксизма за всю историю вместе взятые». И только на таком пути можно выработать новую идеологию, которая выведет, может быть, Россию и весь мир из того состояния между Рабле и Кафкой, между Лозунгом и Пьяной старухой, в котором он пребывает. И прав Зиновьев, уже не в книге, а в своем интервью, данном перед отъездом из Москвы, что Запад недооценивает интеллектуальную опасность, идущую из СССР, духовную опасность, которая страшней даже военной: ведь строительство ибанского Сортира или московского Лозунга — дело, на которое очень легко настроить массы, ибо усреднение и социальная энтропия идут вслед за энтропией духовной, и то, что создается веками, разрушить можно очень легко и быстро. Ибо человеческое, духовное, то, что от Бога, растет лишь благодаря труду многих поколений, а природное, хаотическое — оно всегда тут как тут. Ломать — не строить. А стройки Лозунгов и есть ломка Духа. И отбросить человечество к первобытному коммунизму (а он всегда первобытный!) можно за срок, вполне сравнимый с атомным взрывом, — годы мало отличаются от секунд в масштабах вечности...

Вот потому-то мне и представляется, что со времен Бердяева не было у нас столь глубоких философских произведений, как этот «роман»...